

ГОСУДАРСТВО В СЕТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Д.М. Фельдман

Не повторяя здесь своих, может быть и спорных, но неизменившихся оценок государства как актора мировой политики¹, полагаю необходимым обратиться к развитию этой темы, сосредоточившись, прежде всего, не на онтологических и аксиологических, а на теоретико-методологических ее аспектах.

Сегодня большинство коллег едины в понимании того, что «государство было до Вестфальского мира, по-видимому, оно и останется»². Но «проблемы заключаются в том, как разные по своей сути государства могут сосуществовать в единой политической системе; каковы должны быть принципы взаимодействия различных государств с негосударственными акторами; наконец, что собой должна представлять сама политическая система? Все эти вопросы, на которые нет ответов, являются сегодня ключевыми»³.

Разразившийся во второй половине 2008 г. очередной глобальный финансово-экономический кризис оказал существенное влияние на состояние и функционирование современной международной системы, ее региональные и локальные подсистемы, поведение отдельных акторов мировой политики и, прежде всего, государство, как основной, системообразующий элемент этой системы. Как пишет академик А.В. Торкунов, острейшую актуальность приоб-

рела «задача сегодняшнего дня — найти общее понимание того, как и какие правила игры будут соблюдать все государства, любые администрации и правительственные структуры»⁴.

Пытаясь отыскать решение этой задачи и хотя бы отчасти ответить на вопросы, порождаемые самой практикой международных отношений, считаю необходимым обосновать свой подход к этому поиску. Во-первых, я исхожу из того, что анализ взаимодействия государств на мировой арене, при наличии ясно сформулированных и оговоренных допущений, может вполне правомерно абстрагироваться от природы, внутреннего устройства, типологических особенностей отдельных государств. Важно подчеркнуть, что это не имеет ничего общего с популярным уже более полутора веков сравнением государства с бильярдным шаром, внутреннее строение которого однородно и якобы не влияет на его поведение⁵. В данном же случае государство как объект изучения скорее уподобляется «черному ящику», на «вход» которого подаются сигналы, по реакциям на которые, фиксируемому на «выходе», выдвигаются гипотезы как о его

¹ См.: Фельдман Д.М. К оценке государства как актора мировой политики // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой (далее — «Приватизация...»). М., 2008. С. 209–233.

² Лебедева М.М. Такие разные государства // «Приватизация...». С. 98.

³ Там же.

⁴ Торкунов А. Дефицит демократии и международное сотрудничество // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 3 (21). С. 23.

⁵ Авторство в использовании этого сравнения часто ошибочно приписывают А. Уолферсу, использовавшему ее в своей работе 1962 г. См.: Wolfers A. *Discord and Collaboration. Essay of International Politics*. The Johns Hopkins Press, 1962. P. 24. Однако еще Г. Фихте предлагал рассматривать взаимодействие государств как столкновение шаров, в которых внутреннее изолировано от внешнего. См.: Fichte G. *Der Geschlossene Handelsstaat // Gesammelte Werke*. Berlin, 1845. Bd. 3. Цит. по: Лукашук И.И. Глобализация, государства, право, XXI век. М., 2000. С. 21.

внутреннем строении (что меня в данном случае не интересует), так и о принципах, принципах и нормах его внешнего поведения. Такой методологический прием позволяет мне рассматривать любое государство вне зависимости от того, как оно осуществляет монополию на легитимное насилие, является ли оно международно признанным, как Науру, или входит в число непризнанных, как Тайвань, растет ли эффективность государственного управления, как в Таджикистане, или уменьшается, как в Сомали. При этом не имеет значения, какие функции осуществляет государство: выпускает ли свои деньги, как Самоа, или пользуется общей для нескольких государств валютой, как ФРГ, следит ли за соблюдением правил ношения головных уборов, как Франция, или пренебрегает этим, как большинство других. Такое «пренебрежение» функциями государства распространяется и на важнейшие для любого государства механизмы и средства обеспечения его суверенитета и безопасности, наполнение и исполнение бюджета и т.д. и т.п. Другими словами, государство в принятой методологической установке рассматривается только как актер мировой политики, признающий свою ответственность за соблюдение принципов, норм и правил взаимоотношений с другими государствами и вносящий самый существенный вклад в поддержание и регулирование современной мировой политической системы.

Во-вторых, государство рассматривается не только (и не столько!) как основной, системообразующий элемент государственно-центричной мировой политической системы, а как компонент всемирной политической сети. При этом я решительно отмежевываюсь от иносказательно-метафорической манеры научного дискурса и изложения его результатов⁶. Соответственно, под полити-

ческой сетью, вслед за Л.В. Сморгунковым, здесь будет пониматься «система государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на базе ресурсной зависимости в целях достижения согласия по интересующему

П.А. Цыганкова, «в ТМО понимается совокупность материальных и нематериальных структур, институтов и процессов, обуславливающих международную жизнь. К ним относят геополитику, демографию, экономику, науку и технологии, идеологию, культуру и религию, СМИ, международное право, а также персональные качества лиц, значимых для МП. В качестве факторов как аналитических единиц, которые если не превосходят, то по меньшей мере равнозначны по своему значению акторам, понимаются также субнациональные культурно-языковые, религиозные, тендерные, этнические идентичности (Klotz A. Lynch C. *Le constructivisme dans la theorie des relations internationales // Crinique internationale*. Hiver 1999. № 2; Waltz K. *Theory of International Politics*. Reading, Mass., 1979). В широком смысле — это тот контекст, в котором осуществляется деятельность акторов». (Цыганков П.А. *Актеры и факторы в международной политике // «Приватизация...»*. С. 41.) Многие факторы (например, «материальные структуры», «институты» и СМИ) в таком понимании оказываются неотличимыми от акторов. Подобный «факторный анализ» лишь по названию близок хорошо известному, давно и успешно применяемому методу многомерной математической статистики, используемому для измерения взаимосвязей между признаками социальных объектов и позволяющему на основе парных корреляций получить набор укрупненных признаков. Понятно, что применение в политической науке понятий и методов уже утвердившихся и широко распространенных в других науках в качестве инструментов исследования, а не метафоры, предполагает их корректное использование и обоснование. В полной мере это касается и печально знаменитой «многополярности» в мировой политике, крайне далекой от общенаучного содержания терминов «полярность» и «полюс», из которого ясно, что полюсов не может быть ни больше, ни меньше двух. Увы, убедительная научная критика, с которой на протяжении многих лет выступают авторитетные ученые (см., напр.: Баталов Э.Я. *Человек, мир, политика*. М., 2008. С. 18–19; 308–310), пока не оказала влияния на употребление термина «многополярность».

⁶ В этой манере, например, принято рассуждать о взаимодействии различных акторов и факторов, под которыми, по свидетельству

всех политическому вопросу, используя при этом формальные и неформальные нормы»⁷. К этому следует добавить, что в мировой политике как одной из сфер политического «достижение согласия» — лишь один из частных случаев получения желательного ее акторами результата. Это уточнение вполне соответствует отмеченному еще в 1982 г. Д. Ноуком и Дж. Ку克林ским свойству сетей: между акторами существуют отношения, которые задаются и конституируются сетью в целом. Они характеризуются такими параметрами, как «интенсивность» и «направленность»⁸. Кроме того, важно иметь в виду, что в международно-политической сети отсутствуют централизованное управление и контроль над изменениями в составе акторов, перемещением ценностей и ресурсов.

Предлагаемое понимание политического взаимодействия на мировой арене не является только переводом с «системного» на «сетевой» язык. Оно имеет вполне самостоятельное эвристическое и инструментальное значение. Используемая трактовка политической сети допускает ее формализацию и построение структурных моделей различных политических сетей, например благодаря теории графов. Эта теория исходит из того, что сетью (графом) является графическая схема, представляющая собой отрезки, соединяющие заданные точки. Открывая возможности строить простейшие математические модели сетевого взаимодействия, теория графов позволяет с их помощью решать записанные на соответствующем языке задачи в графической или матричной форме⁹. Это лишь один из примеров того, как отказ от

иносказательно-метафорического подхода в сочетании с использованием различных моделей сетевого международно-политического взаимодействия может помочь применению все еще мало популярных в нашей политической науке формально-математических методов, а тем самым и обогащению ее методологического арсенала. При этом сетевое понимание международно-политического взаимодействия не противостоит системному. Оно не только допускает, но в ряде случаев и предполагает сочетание системного и сетевого подходов.

В-третьих, в соответствии со сказанным выше, я буду исходить из того, что система взаимодействия государств в международно-политической сети является частью общего взаимодействия акторов, участвующих в отношениях на мировой арене. Она — порождение не только растущей глобализации, но и фрагментаризации планетарного социума.

Действуя не в оппозиции, а в композиции с глобализацией, фрагментаризация проявляется в регионализации, локализации политических процессов. По сути, она отражает политическое обособление различных национальных, территориальных, религиозных, лингвоэтнических и многих других социальных общностей. Это обособление далеко не всегда проявляется в стремлении к созданию своего отдельного государства, хотя именно фрагментаризация «ответственна» за более чем пятикратное увеличение числа государств за последние неполные сто лет. Фрагментаризация — это появление все большего числа не только государств, но и негосударственных акторов, действующих на мировой арене не всегда как политические субъекты, но обязательно обладающих политическим ресурсом своей экономической, филателистической, спортивной, экологической и практически любой другой частно-специальной деятельности. Этот ресурс, содержание которого определя-

⁷ Сморгун Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Политические исследования. 2001. № 3. С. 108.

⁸ См.: Knoke D., Kuklinski J. *Network Analysis*. Beverly Hills, 1982. P. 9.

⁹ Подробно об основах построения и применения этих моделей см., напр.: Kemeny J.G., Snell J., *Mathematical models in the social sciences*. № 4. 1962; Ore O. *Графы и их применение*. М., 1965.

ется как непосредственно политическим смыслом этой деятельности (например, движения анти- и альтерглобалистов), так и соединением или столкновением многообразных политических аспектов, сопутствующих реализации интересов отдельных негосударственных акторов, неправительственных и государственных организаций между собой или с интересами государства¹⁰.

Тривиальное признание единства процессов фрагментаризации и глобализации помогает зафиксировать выделение и обособление системы политического взаимодействия государств в сети мирополитических процессов. В свою очередь, это позволяет указать на то методологически очень важное обстоятельство, что эмерджентные характеристики этой (отнюдь не суммативной) системы как некоторой целостности существенно различаются от параметров сети международно-политического взаимодействия¹¹.

¹⁰ В качестве примера легко указать на деятельность приснопамятных комитетов советских женщин и молодежных организаций СССР, обществ дружбы с народами зарубежных стран, организаций типа Human Rights Watch, Green Movements и т.п. Эти акторы, их многочисленные современные отечественные и зарубежные аналоги активно действовали и действуют в сети международно-политического взаимодействия. Не стоит забывать и о том, что многие международные организации, в частности ООН, за годы своего существования обросли сотнями общественных и неправительственных фондов, комитетов, объединений и т.д., каждое из которых, заявляя о своей поддержке целей Организации, занимается своей организационно и бюджетно обособленной деятельностью, политическое значение которой в каждом конкретном случае не составляет большого труда обнаружить.

¹¹ По сути, речь идет о модификации и углублении предложенного еще в конце 70-х годов прошлого века Х. Буллом различия мирового общества и международного сообщества. «Мировым обществом» он называл общность государств, установивших на основе взаимного согласования общие правила и институты для организации своих взаимных отношений и заинтересованных в выполнении достигнутых соглашений и до-

Подводя итог несколько затянувшимся теоретико-методологическим рассуждениям, отмечу, что все сказанное дает возможность сформулировать важное утверждение: в международно-политических отношениях акторов всемирной политической сети действуют нормы и правила, отличающиеся от норм и правил, принятых в системе взаимодействия любых современных государств. Правила сети не легитимизированы, институционально не оформлены, они, по сути, представляют собой правила взаимоотношений акторов, преследующих на мировой арене свои частные (или более-менее временно совпадающие групповые) интересы, состоящие в получении наибольшего эффекта от их деятельности. Назовем эти правила — правилами повышения эффективности или, для краткости, правилами победы.

Правила, действующие в системе взаимодействия государств (безотносительно к тому, какие именно это государства), ориентируют их на приверженность соблюдению даже противоречащих друг другу норм и принципов, закрепленных (или декларируемых) в международном праве, поддерживаемых институтами международного общества и предполагающих, что их признание и соблюдение являются атрибутами государства как полноправного актора мировой политической системы. Будем называть эти правила — правилами участия.

В политической практике взаимодействия на мировой арене в конце XX и начале XXI в. отчетливо обозначилось несоответствие нормативной (не только

говоренностей. «Международное общество», в отличие от «международного сообщества», предполагает легитимизацию действующих в отношениях между государствами-членами норм, их ответственность за соблюдение правил и принципов взаимоотношений. «Международное сообщество», по Х. Буллу, является лишь простой совокупностью (системой меньшей целостности — выражаясь «системно») всех национальных государств. См.: Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. L., 1977.

международно-правовой, но и идейно-ценностной) базы, правил участия в международном взаимодействии критериям его эффективности, т.е. правилам победы. Успешно реализуемые сценарии¹² межгосударственного взаимодействия на мировой арене отражают внешнеполитические стратегии его участников. Однако их действия, следуя прагматичным правилам победы, зачастую не только расходятся с декларируемыми «общепризнанными» нормами и правилами взаимодействия акторов, участвующих в мировой политике, но и сталкиваются с ними.

Сама констатация столкновения правил победы и правил участия в современной системе межгосударственных отношений при ее кажущейся очевидности фиксирует глубокое внутреннее различие природы этих правил.

Международно-правовые нормы участия во взаимодействии в каждой данной системе признаются государствами, действующими в мировой политике, как относящиеся к конкретному пространственно-временному континууму. Правила участия отличаются от норм, действовавших на мировой арене несколько десятилетий тому назад в другой системе межгосударственных отношений, не говоря уже о нормах и правилах, присущих различным сферам общественных отношений внутри национально-государственных границ. Но все эти нормы и правила формулируются, кодифицируются и признаются не только как отражение реального взаимодействия, но и как представление о том, каким оно должно быть. Точнее — какой должна быть определяемая ими система отношений между государствами. Среди прочего, это проявляется в наличии и

общем признании если не взаимоисключающих, то противоречащих друг другу (но не интересам государств, участвующих в отношениях на мировой арене) норм международного права. Правила участия признаются всеми государствами данной системы как идеальная норма их взаимодействия. Однако следуют им избирательно, в зависимости от меняющегося содержания интересов каждого из этих государств, обстановки на мировой арене, внутрисполитической ситуации и т.д. Признание каким-либо государством правил участия, с фиксацией его принадлежности к данной системе, отнюдь не предопределяет успех его взаимодействия с другими акторами той же системы. Сценарии достижения успеха в этом взаимодействии предполагают, по крайней мере, отход от этих правил, а чаще — нарушение некоторых из них.

Отличаясь, часто очень существенно, друг от друга, эти сценарии в своем большинстве включают в себя более или менее грубое нарушение правил участия, состоящее в отказе от следования «общепризнанным» нормам, принятым процедурам и приверженности хотя бы некоторым из утвердившихся принципов поведения на мировой арене. Сценарий достижения победы в ходе противоборства на мировой арене требует если не вероломства, то совершения действий, к которым противник не готовится, полагаясь на заключенные договоры, приверженность сторон общепризнанным нормам и правилам. Если позволительно употребить затертое за несколько десятилетий и не вполне точное сравнение соперничества наций со спортом, принадлежащее Р. Арону, то для претендента на звание чемпиона, действующего согласно правилам победы, просто исключена возможность получения приза *fair play*.

Сценарий, основанный на скрупулезном соблюдении правил участия (при всех их внутренних противоречиях и «нестыковках»), способствуя в случае его успешной реализации поддержанию ста-

¹² В данном случае «сценарием» я называю сознательно выбранную или построенную схему поведения в данной ситуации, определяющую средства и действия, последовательность и порядок их применения в зависимости от достижения промежуточных результатов.

бильности данной системы, во всех иных случаях позволяет заявить о своей приверженности принятым в ней нормам и призывать к этому других. Но являются ли эти заявления камуфляжем подлинных намерений и интересов претендента на победу или ценным вкладом в поддержание международной стабильности — решает история.

В XXI в. отношения между государствами без принципов и норм, фиксируемых международным правом, такой же фантом, как международные отношения без политики, без экономики или без идеологии. Но, констатируя это важное обстоятельство, нельзя игнорировать тот факт, что, как свидетельствует история, правовая основа этих отношений постоянно менялась. Можно спорить об исходном историческом пункте формирования современной архитектуры системы международных отношений. Но вряд ли вызовет возражения констатация того, что более трех последних столетий постоянно растущая часть человечества строила и развивала международные связи в рамках государственно-центричной системы международных отношений.

Сегодня благодаря формированию общемирового рынка, мировым войнам, развитию средств коммуникации и многому другому эта система стала всемирной. В ходе чередования на протяжении нескольких веков господства экономически автономных регионов было покончено с полицентричным миром, в котором существовало несколько культурно-хозяйственно и политически изолированных ойкумен. Формирование всемирной (планетарной) политической системы сопровождалось неоднократной сменой правил участия входивших в нее государств, сохраняя за ними роль доминирующих акторов — основных элементов этой системы. Именно изменение этих правил, происходившее внутри нее в результате крупномасштабных международных конфликтов, зафиксировало переход от «Венского концер-

та» к Версальско-Вашингтонской, а затем и к Ялтинско-Потсдамской системе. И хотя правила участия менялись, сценарий, основанный на правилах победы, в своих существенных чертах воспроизводится. Он неизменно включает в себя сначала нарушение, а затем конвенционально принятый международным обществом отказ от правил участия, действовавших в каждой из предшествующих систем. Утверждение новых и, как показывает исторический опыт, временных норм международного права, фиксирующих и новые правила участия в сменяющихся друг друга системах международных отношений, столь же неизменно происходит при определяющей роли тех, кто победил в «создавшем» новую международную систему противоборстве.

Правила победы не только более долговечны, чем правила участия, но и, отличаясь от них по своей природе, отдавая предпочтение эффективности по отношению к легитимности, присущи любой системе международных отношений и вообще международной сфере общественных отношений в целом. По своей постоянно повторяющейся, воспроизводимой в различных исторических условиях сущности, проявляющейся с мощной принудительной силой, они приближаются к естественно-историческим законам, а может быть, и входят в их совокупность.

Международные события сегодняшнего дня убеждают: правила, организации и институты, сложившиеся и просуществовавшие последние десятилетия, в рамках системы взаимодействующих государств оказываются малоэффективными. Тщетность попытки заменить их правилами и нормами, устанавливаемыми одной державой, ясна всем, кроме весьма узкомыслящих патриотов Америки.

«Многополярный» мир, живущий по характерным для него правилам участия, стремление к которому характерно для вербальной активности ученых, политиков и дипломатов многих стран, по

сути означает не более чем попытку институализации хаоса, идущего на смену агонизирующей и только отчасти «плюралистической однополярности». «История, без обращения к которой мы будем обречены ее повторять»¹³ свидетельствует, что полицентричный мир непрочен, а правила участия в нем задаются, определяются и действуют в зависимости от силы государств. На практике это ведет к регулярным «пробам сил» в форме войн и международных конфликтов. В результате этот мир не только строится на насилии, но и гибнет вследствие торжества правил победы над правилами участия. Примеры реализации сценариев международно-политического взаимодействия государств на основе правил победы в условиях полицентричного мира можно обнаружить при анализе ситуации тридцатых — сороковых годов прошлого века. Попытка внедрить правила участия, выработанные при создании Версальско-Вашингтонской системы, привела к вытеснению их правилами победы, хаотизации международных отношений и завершилась самой разрушительной в истории человечества мировой войной.

Иной вариант изменения правил участия предусматривает позиция тех отечественных и зарубежных ученых, которые задумываются о правилах и нормах, присущих новой, не государственно-центричной мировой политической системе. Независимо от того, что ждет Вестфальскую систему — «ремонт» или «неминуемый закат», констатация «кризиса Вестфалия» ставит уважаемых коллег перед необходимостью назвать те правила, принципы, и нормы, которые могли бы быть характерны для «поствестфалия» как новой мировой политической системы. Понятно, что они должны обеспечить стабильность этой системы, ес-

ли не большую, то хотя бы сопоставимую с Вестфалем¹⁴.

У меня же крепнет уверенность в том, что Вестфальская система, т.е. мировая государственно-центричная система, хотя и может с годами изменить свое не вполне точное, но укоренившееся название, стремясь к состоянию гомеостаза, переживет вслед за предыдущими и нынешнюю, и следующую за ней систему межгосударственных отношений. Обращение к практике политических взаимоотношений государств убеждает меня в том, что время, через которое государство утратит роль основного, несущего, опорного компонента сети международного взаимодействия, сопоставимо со временем его исторического развития от возникновения до наших дней.

Рассуждая в масштабах реальных политических процессов, трудно поверить в стабильность и эффективность единых правил участия, предназначенных для акторов действующих в «поствестфальской мировой политической системе». Ведь в ее составе как минимум будут: 1) более 200 признанных государств; 2) несколько десятков непризнанных государств; 3) многие сотни ТНК, часть из которых по своей экономической, финансовой, политической и даже военной мощи будет превосходить многие как признанные, так и непризнанные государства; 4) тысячи НПО, включая имеющиеся взаимоисключающие интересы, затрагивающие решение экологических, климатологических, сырьевых и прочих, более мелких, но не менее острых проблем мировой политики; 5) трудно прогнозируемое, но, безусловно, громадное количество организаций, фирм и разного рода объединений, включая криминальные, из разных стран, получивших прямой (т.е. без государственного «фильтра») выход на мировую арену; 6) милли-

¹³ Цит. по тексту выступления министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в МГИМО(У) // НГ Дипкурьер. 16.09.2008.

¹⁴ См.: Вестфальский мир: межкафедральный круглый стол (МГИМО(У) МИД России, 27 февраля 2008 г.) // Вестник МГИМО — Университета. 2008. № 1.

оны индивидов, активно участвующих в мировой политике помимо, а иногда вопреки, своим и чужим государствам. Это, как говорится, «вкратце». Полный перечень других типов негосударственных акторов «поствестфальской системы», а также оценку их вероятного числа лучше предоставить тем, кто принял логику формирования принципов и норм «поствестфалья».

Важно при этом подчеркнуть, что речь идет не просто о негосударственных акторах мировой политики — они были, есть и будут всегда, а о новых действительных если не для всех, то для большинства акторов правилах участия в мировой политике. Разумеется, только при условии, что сама эта «поствестфальская система» международных отношений, сложившаяся в рамках глобального социума, сохранит свою обособленность и отличия от внутриобщественных отношений и внутренней политики. Думаю, что и при таком варианте смены правил нас ждет если не торжество хаоса, то рост полиархии в системе уже «поствестфальских всемирных международных отношений».

Итак, биполярный мир завершился крахом, «униполярный» невозможен, полицентричный чреват войной всех против всех, а «поствестфальская система» остается мечтой, одним из проектов на будущее, осуществление которого неизбежно встретит активное сопротивление предназначенного для него материала. Реальность чревата увеличивающейся возможностью хаотизации. Акторы мировой политики разыгрывают избранные ими сценарии по правилам, относительно которых у них нет согласия. Эта констатация провоцирует возражения, но вместе с излагаемым в данном тексте пониманием «правил игры»¹⁵ позволяет сделать несколько предположений.

Принципы и нормы, которые в ближайшие годы будут все более определять поведение государств во всемирной сети политического взаимодействия, — это правила самой сети, т.е. правила, придерживаясь которых акторы мировой политики будут стремиться к повышению эффективности, а не легитимности своей деятельности. В используемых терминах: «правила победы» будут вытеснять, но не замещать «правила участия».

Это не приведет к, казалось бы, очевидно напрашивающейся легитимизации правил победы во взаимодействии государств, что на деле бы означало игру, а точнее — бои без правил между акторами мировой политики. Правовое закрепление, легитимизация этих правил невозможны в силу самой их природы, сущностно определяющей вариативность поведения всех тех, кто им следует. В конечном счете именно это, а вовсе не весьма подвижные исторические различия между разными государствами, администрациями, правительственными и неправительственными структурами будет определять сосуществование и столкновение правил участия и правил победы.

Что же касается того, какой будет система взаимодействия государств в обозримом будущем, то независимо от названия, которое она получит, по сути, она будет столь же Вестфальской, как и все предшествующие. Для этой, т.е. очередной развивающейся в рамках Вестфалья, системы межгосударственного взаимодействия нам предстоит сформулировать и кодифицировать новые правила участия. Главным достоинством этих правил должно быть не отсутствие противоречий как между ними, так и с правилами победы, а соответствие (конечно же, не полное и не постоянное) важнейшим в данный период интересам государств, составляющих наиболее устойчивый компонент сети международно-политического взаимодействия.

¹⁵ См.: Торкунов А. Указ. соч.